

<https://krasopera.ru/press/interview/zvaniyu-seks-simvola-predpochitayu-zvaniye-pevtsa.htm?ysclid=loqeo76vdo518511872>

«Труд-Красноярск», 1 сентября 1998 г.

Званию секс-символа предпочитаю звание певца

Как правило, один раз в году «сибирский баритон» (так до сих пор пишут в афишах) Дмитрий Хворостовский бывает в родном городе – Красноярске. Дает благотворительный концерт, навещает родителей и друзей, отвечает на вопросы журналистов, в первую очередь, «Труда». И на сей раз традиция не была нарушена.

– Дмитрий, как прошел этот год?

– Совсем недавно я приехал с фестиваля в городе Савонлинна в Финляндии, где был с группой «Ковент-Гардена», пел «Луизу Миллер» Верди. Премьера этого спектакля состоялась в Баден-Бадене, так как здание «Ковент-Гардена» в Лондоне закрыто на ремонт и театр сейчас в основном гастролирует. В «Карнеги-холл» было очень удачное исполнение свиридовского вокального цикла «Петербург». Жаль, что Георгий Васильевич не дожил до этого триумфа...

– Вы возглавили Фонд Свиридова?

– Нет. Меня зачислили туда одним из попечителей. Все бразды правления были в руках жены Георгия Васильевича – Эльзы Густавовны. Благодаря ее авторитету, влиянию очень многие, в том числе и я, откликнулись на призыв сотрудничать. Хотя большого уважения к таким вещам, как разнообразные фонды, я не испытываю. Что с этим фондом теперь, после смерти Эльзы Густавовны, станет, в каком виде он будет существовать и будет ли существовать вообще, я не знаю. Она была главным мотором организации, на ней все, включая спонсорскую помощь, держалось. Сейчас спонсоры ушли куда-то в сторону...

– Не стало Георгия Свиридова, совсем недавно не стало Альфреда Шнитке... XX век подходит к концу и забирает с собой лучших?

– Утраты эти печалят. К счастью, после композиторов остается их музыка. Свиридовские произведения будут исполнять века, это гениальная музыка. Созданное Шнитке тоже будет звучать очень долго.

Да, век заканчивается, смутное время наступает. На рубеже веков происходит что-то очень страшное. Классическое искусство отступает на второй, третий план. Молодое

поколение чудовищно обделено. Я говорю не о России: американская культура – на критической грани, там эстетическое воспитание находится на таком низком уровне, что два поколения как минимум уже можно считать потерянными. В России настолько сильны традиции образования, что их не так легко порушить.

Меня очень угнетает, что я здесь редко бываю. Я по-настоящему испытываю тоску по Родине, по родным местам, по родителям, по русскому языку. Русский человек за границей, тем более артист, часто одинок. Многим русским там очень трудно. Мой друг, в России он был певцом, сейчас пиццу развозит, пять лет уже развозит, никак не вырвется. Говорю: «Поехали в Москву», - не хочет, самолюбие не позволяет ему вернуться с поражением...

– Вы – один из первых наших певцов, кто начал работать на контрактной основе...

– Я воспринял контрактную систему очень органично. К иному просто не успел привыкнуть, будучи когда-то вокалистом Красноярского оперного театра. Конечно, неудобства кочевой жизни радовали мало, особенно в Москве, где я поначалу вынужден был кормить в гостинице клопов. Но потом все быстро наладилось – мне дали здесь квартиру, я был одним из последних артистов, кого государство благодетельствовало таким образом. Сейчас в этой квартире живет мой друг, мы к нему приезжаем в гости.

К контрактной системе быстро привыкаешь. Правда, сначала, когда моя жизнь оказалась расписанной на 4-5 лет вперед, меня это шокировало, но теперь такое положение дел кажется нормальным. Правда, я не именуюсь больше громко и громоздко: солист такого-то театра оперы и балета, а просто – певец, но, поверьте, это одно из лучших званий на свете. А мои постоянно обновляющиеся контракты свидетельствуют о любви и уважении публики.

– Вы принимаете участие в постановках русских опер за рубежом. Приходилось ли сталкиваться с рискованными экспериментами, проводимыми над этими произведениями?

– Да сплошь и рядом. Несколько лет назад моя позиция была непримиримой. Помню первую постановку «Евгения Онегина» в Венеции – я с режиссером ругался нещадно, вместо того чтобы найти какой-то компромисс. Теперь мое отношение к эксперименту меняется. Каждый режиссер имеет право на творческую фантазию. Без компромиссов, без совместного творчества никакая постановка не получится.

– Известно, что вы участвовали в съемках видеоклипа на романс Чайковского. Но ведь клип – принадлежность в первую очередь поп-культуры. Как относитесь к проникновению методов шоу-бизнеса в классическую музыку?

– Нормально отношусь. Это веяние времени, с ним нельзя не считаться. Например, клиповый стиль сегодня влияет на работу постановщиков оперы, и тут нет ничего предосудительного. Главное – чтобы все было органично.

– А как вы оцениваете массовые шоу, подобные выступлению трех знаменитых теноров на стадионе?

– Смысл таких шоу – в больших деньгах, которые платит публика. Лично мне концерты трех теноров просто уже надоели, последний я даже не смотрел. Ну в какие ворота это лезет: даже Доминго позволяет себе петь, как говорят музыканты, на полкирпича ниже. Кому это нужно? Лично мне не нужно.

– В свое время состоялся дуэт знаменитой оперной певицы Монсеррат Кабалье и рок-звезды Фредди Меркьюри. Не хотите повторить их опыт, спеть с какой-нибудь эстрадной звездой?

– Это уже старо, понимаете? Дорога ложка к обеду, а когда это повторяют все, кому не лень... Надо что-то новое придумать, что придумать – моей фантазии не хватает, да и не хочется в этой области фантазировать, у меня и так работы достаточно. А вообще сочетание поп-музыки и классики меня не привлекает. Часто в результате появляется какая-то жвачка для непритязательной публики. Искусство от этого страдает. Может быть, я слишком привередлив или консервативен – не знаю... Вы что, в самом деле, считаете, будто дуэт Меркьюри и Кабалье стал чем-то интересным? Я, например, думаю, что все интересное Фредди Меркьюри было сказано в 70-80-х годах, это было по-настоящему свежо, стало классикой рока. А «Барселона», дуэт этот – пена, нечто раздутое. В похожее явление сейчас превратились выступления трех теноров. А люди продолжают мыслить по инерции: три тенора спели, три сопрано – тоже, теперь давайте соединим трех баритонов. Димочка, вперед, пой!.. Нет, мне хочется уйти от этого гнездового способа.

– Какой-то женский журнал сподобился назвать вас секс-символом...

– Я, честно говоря, от этого звания уже устал открещиваться. Когда меня им наградили, мне 26-27 лет было, ну, обозвали и обозвали, наверное, кроме смазливой внешности, ничего во мне не увидели. А потом, постепенно, люди начали понимать, что дело не в наружности, а в чем-то другом, что у меня, надеюсь, есть и развивается. Но наличие этого «чего-то» надо постоянно доказывать, то есть – петь, растить мастерство.

Что и стараюсь делать.

Любовь РАК